

«Я не в силах выиграть битву, но я в силах быть храбрым солдатом и исполнять свой долг».
Адрэ МОРҮА.

Исполняя солдатский долг

2. Все ближе зарево войны

(Начало в номере за 30 сентября)

Тесно и тихо в вагоне. Под стук колес каждый думал свою думу: что-то там впереди? Некоторые начали доставать сумки и рюкзаки с незатейливой стряпней — последним материнским угощением. У Баландина в авоське сухой паек: две булки черного хлеба да просушенная, как порох, вобла. Не до еды парню, ноет душа. Не по-людски вышло: не попрощался ни с матерью, ни с меньшими братишками. Успел лишь на вокзале бросить в почтовый ящик коротенькое письмо — в несколько строк, а переписывал несколько раз: «Здравствуй и прощай, мама! Не плачь, что не свиделись. Времени до отправки было в обрез. С братьями моими обходись поосторожнее, пусть, как могут, в хозяйстве помогают. Папашинного адреса у меня нет. На всякий случай пропиши ему, что на фронте не хуже других немца бить буду».

Не плачь мама, теперь ведь все ТУДА едут. Ваш Михаил Баландин».

В первые же дни пребывания в училище Баландин подал рапорт с просьбой отправить его на фронт добровольцем. Среди курсантов это считалось правилом хорошего тона. А пока — напряженная учеба с раннего утра до позднего вечера. Вскоре группу, где учился Михаил Баландин, перебросили в Тюменское минометное училище, и осенью курсантов-добровольцев отправили на фронт.

... Станция Белополюе, южнее Сталинграда. Воинский эшелон стал под разгрузку. После долгой дороги солдаты приводили себя в порядок, разминали ноги. Раннее октябрьское утро освежало острым северным ветерком. Вдруг ударил станционный колокол, хриплый торопливый голос объявил воздушную тревогу. Послышалась команда: «Всем в укрытия!» Перрон мигом опустел. Бегут солдаты, глазами постреливают: где же они, эти чертовы укрытия? Уже на слуху самолетный гул.

«Зазевался я, — вспоминает Баландин, — и загремел в какую-то яму, вроде воронки. Кто-то еще приземлился рядом. Лежим — каска к каске, землю-матушку обнимаем. А фашист уже на подходе».

— Хейнкелю прут, — не отрывая головы заметил сосед.

— Почем знаешь? — спрашиваю.

— Я их, сволочей, по голосу моторному отличаю. Слышь, как поет: везу-везу-везу...

Похоже, солдатик уже где-то успел понюхать пороха. И тут так рвануло, что земля под нами зашаталась.

— Вот и привез, гад! — буркнул «бывалый».

Все потонуло в грохоте бомбовых ударов, по земле пополз тяжелый удушливый газ отработанной взрывчатки. Со стороны станции потянуло гарью. Горячие осколки со звоном стригли деревья станционного скверика. Прямо на наши спины рухнула крона молодого тополя. В метре от края воронки врезался кусок вагонной обшивки. Слышались стоны раненых».

«Хейнкелю-111», сделав свое дело, ушли на запад. Все тот же хриплый голос по радио объявил отбой воздушной тревоги. Дымил вокзал, горели искореженные вагоны воинского эшелона. Не задержись немец на пятнадцать-двадцать минут, всему прибывшему пополнению была бы крышка. А пока санитары собирали убитых и раненых».

Сержант Баландин был потрясен пережитым, сердце все еще отмеряло удары в учащенном ритме. «Как же так, — думал он. — Прифронтовая станция, сюда поступают армейские резервы и техника. Значит, объект — стратегического назначения. Почему же во время налета с нашей стороны не твкнула ни одна зенитка, ни один наш «ястребок»

не помешал прицельному бомбометанию вражеской авиации?» Не укладывалась эта недалекость нашего командования в голове горячего сержанта. Откуда было знать восемнадцатилетнему солдату, что таких объектов на огромном протяжении линии фронта сотни, а то и тысячи...

Ратную службу Михаил Баландин начал в полковой разведке Первой Гвардейской армии. Бывалый разведчик старшина Мурзугали Хамидулин в первый же день прочитал новому пополнению что-то вроде вводной лекции.

Рослый, широкоплечий башкир подкупал острым самобытным словом, уместной шуткой. Он осторожно вторгался в души начинающих разведчиков и в то же время не сглаживал острых углов. Многие из наставлений старшины оказалось солидным подспорьем к полученным в военном училище знаниям...

бояться врага без причины, и дорога, что кажется самой опасной, оказывается самой надежной», — процитировал он что-то древнее изречение.

В этом сержанту Баландину и его товарищам еще предстояло убедиться...

Вот уже несколько дней на участке, где воюет Баландин, относительное затишье. Разведгруппа под командованием старшины Хамидулина получила задание «просочиться к переднему краю противника, оценить его боевую готовность и возможные пути прорыва нашей обороны». Для Михаила это первая серьезная вылазка. «Мы еще днем обговорили, как будем «просачиваться» через открытое место. Решили продвигаться по глубокому оврагу с пологим выходом почти в расположение немцев, — вспоминает Баландин. — Ночь выдалась что надо: темно, ветер подвывает, луна, будто в прятки играет: то выгнет на миг, то надолго спрячется за рваными облаками. Морозно. Озябшая земля томилась в ожидании снега».

3. Разведчиками не рождаются

— Разведка — глаза и уши армии, — наставлял Хамидулин. — Здесь нужны преданные и смелые люди. Вам оказана честь служить в этом подразделении. А теперь по делу».

Разведчиками не рождаются, но если ты попал в разведку, предпосылки к этому должны быть. Трусливый характер или хлипкое здоровье разведчика — это ошибка, и ее нужно исправлять. Вот здесь, — старшина выразительно постучал пальцем по голове, — должно быть побольше извилин. Единоборство с сильным и мудрым противником выигрывает только умный и хитрый».

Хамидулин чему-то улыбнулся. — До войны я успел закончить два курса пединститута. На каникулах ездил в деревню, помогал родителям по хозяйству. Деду моему было под девяносто. Все больше лежал да замусоленный Коран перечитывал. В одной из сур священного писания я вычитал: «... И хитрил Аллах, а Аллах — лучший из хитрецов». За обедом я, хулиганская моя душа, решил сразить деда».

— А бог-то твой, оказывается, хитрюга, — и зачитал цитату из Корана. Дедуля мой поперхнулся и чуть ложку не выронил. Помолчал, вдруг оживился: «Лучший из хитрецов — плохо? Не дурак ведь». Будь моя воля, — продолжил старшина, — я бы для разведчика в присяге после слов «быть храбрым, дисциплинированным», добавил: «и хитрым»».

— А еще, — сказал он, закругляя разговор, — никогда не следует недооценивать противника. Вместе с тем, «солдаты часто

Разведчиков дожина. Шагает отделение гуськом по неровному дну оврага, торопится. Ремень не скрипнет, железо не звякнет. Оно и понятно: нет у солдат за плечами тяжелых винтовок, громоздких вещмешков».

В тесной цепочке разведчиков Баландин предпоследний. Темно — хоть глаз коли. Ориентиром служит спина впереди идущего. Идет сержант, ногами землю ощупывает, кочки да кустарник чахлый огибают, размышляет: «Хорошо все-таки, что в разведку попал. Пробираемся, словно боги какие, а фрицу и невдомек, что русские под носом».

Размышления оборвала пулеметная очередь. Разведчики посыпались на землю: кто за кочкой укрылся, кто за неровной стенкой оврага. Тяжелые посланцы смерти кромсали мерзлоту, швыряя в солдат крошево замороженной глины. Не будь кромешной тьмы да естественных укрытий, туго бы им пришлось. Баландину рассекло бровь, из ранки, не переставая, сочилась кровь».

Пулемет неприятеля неожиданно захлебнулся. Это старшина Хамидулин и «дядя Ваня» — так называли рослого, плотно скроенного разведчика — забросали пулеметный расчет гранатами. Минута тишины, и по живой цепочке команда: «Сержанта Баландина немедленно к командиру!»

— Бегу, спотыкаюсь о кочки и колдобины, — рассказывает Михаил Александрович, — сердце бухает, будто колокол. На пологом выходе из оврага немецкий искореженный пулемет и два немецких трупа. Неподалеку тяжело раненный «дядя Ваня». Пуля навзлет прошла его могучую грудь, и он потерял сознание».

— Я, было, начал докладывать, но старшина оборвал на полуслове: «Слушай, сержант, внимательно: с рядовым Степановым доставьте раненого к своим и далее — в медсанбат. Помните: за жизнь Иванова

отвечает головой. Чтоб одна нога здесь, другая — там».

Разведчики растворились в ночи, а мы с напарником, переложив раненого на плащпалатку, повернули назад, к своим. В это время немец повесил на небо несколько осветительных ракет, стал кидать мины».

Задание мы выполнили четко. Когда сдавали раненого и его документы медикам, узнали, что «дяде Ване» — Иванову Ивану Егоровичу, двадцать семь лет. К бумагам была приложена медаль «За отвагу».

Наша разведгруппа, меж тем, вернулась благополучно и не с пустыми руками. Старшина известил всех, что «дядя Ваня» жив и его готовят к отправке в тыловую госпиталь. Поблагодарил меня за службу. «Служу Советскому Союзу!», — ответил я, как положено, и тут же черт дернул меня за язык, про бурчал, что, мол, прибыл воевать, а не носильщиком служить».

Всегда обходительный Хамидулин вскипел: «Желаю вам, сержант Баландин, благополучно доводить до Победы. Только запомните: у разведчиков есть железный закон — не оставлять товарища на сопредельной стороне — ни раненым, ни мертвым. Это наш святой долг. На вашу долю выпала такая честь, а вы, выходит, плюете на доверие товарищей. Жаль!» Как говаривали мои земляки: сам напоролся на кулак...

После победоносного завершения Сталинградской битвы задания у полковой разведки круто изменились. Теперь «глаза и уши» армии все больше высматривали слабые места, чтобы прорвать оборону противника».

— Не помню уже, по какой причине наши пути со старшиной Хамидулиным разминувшись, — рассказывает Баландин. — Во главе разведподразделений теперь непременно должен быть офицер. Летом сорок третьего наша часть сражалась на юго-западном направлении. Нам противостояли мадыарские армейские подразделения. Противник оказался крепким орешком. Как-то получили приказ прощупать вражескую оборону. По данным наблюдателей недалеко от переднего края противника располагался штаб полка, который следовало найти и обезвредить».

Ночи стояли светлые, дожидаться лучших погодных условий не было времени, и взвод разведки двинулся в «гости» к мадыарам. От последней нашей траншеи по открытому месту — на брюхе, по перелескам — короткими перебежками. В перелеске обнаружили плохо замаскированный жгут проводов. Это уже ориентир. Разделились на две группы. Баландин вошел в группу захвата. Вот и просторная землянка. О ее маскировке будто сама природа позаботилась: по периметру объект окружен плотным кольцом высокого и густого кустарника. Пройдешь мимо и не заметишь. Бесшумно сняли часовых и молниеносно ворвались в землянку. Полумрак, сыро».

— Хенде хох! — зычным голосом гаркнул наш старшой, и шквал ослепительного света наших электрических фонарей обрушился на обитателей штаба. Спротивление оказал лишь радист, и был мгновенно отправлен к праотцам. Дежурный офицер сдался тихо, по-джентльменски. Рослый майор, видимо, начальник штаба, оказался жертвой своей приверженности к чистоте: он принимал ванну в огромном деревянном корыте. Взяли его тепленьким».

По иронии судьбы Баландину вновь пришлось стать носильщиком. Вместе с однокашником по Тюменскому минометному училищу Федором Кузнецовым они поволокли тяжелый брезентовый мешок, в котором был аккуратно упакован начальник штаба. Разведчики с другим «языком» были уже далеко впереди. Группе Баландина нельзя было рисковать стратегически важным багажом. А противник, спохватившись, открыл минометный огонь. Горячие осколки со звоном секли прохладный предутренний воздух. Кого-то ранило в группе прикрытия. При взрывах Баландин с товарищем буквально своими телами прикрывали «груз» от осколков».

Свои были уже близко, когда по левой руке Баландина будто железным прутом ударило и рукав гимнастерки стал быстро набухать кровью. Сержант нашел в себе силы все же сопроводить ценный «язык» и передать в надежные руки».

Судя по тому, что многих участников операции наградили, «языки» оказались «разговорчивыми». Михаил Александрович Баландин получил почетную среди солдат награду — медаль «За отвагу». Но узнал он об этом уже в медсанбате».

М. ГОРШКОВ.
(Окончание следует)